

Новый перевод «Слова о полку Игореве»

В мае 1981 года в Институте русского языка имени А. С. Пушкина состоялась встреча студентов и преподавателей института с известным советским поэтом Игорем Шкляревским, который познакомил присутствующих со своим переводом замечательного древнерусского произведения «Слово о полку Игореве». Этот перевод был опубликован в журнале «Октябрь» (1981, № 9) и вызвал большой интерес как в Советском Союзе, так и за его пределами.

Вспомним: «Слово о полку Игореве» посвящено неудачному походу новгород-северского князя Игоря Святославича против половцев — кочевников, которые в X—XII веках тревожили Русь постоянными набегами. В этом походе Игорь потерпел поражение, попал в плен, затем бежал и вернулся на родину. Незвестный автор запечатлел это драматическое событие, превратив его в факт высокой поэ-

зии и национального самосознания.

Один из списков (т. е. рукописных копий) «Слова...» был найден и возрожден к жизни в конце XVIII века. С тех пор об этом произведении написано немало. Его неоднократно переводили крупнейшие русские поэты. Современная славистика постоянно возвращается к обсуждению спорных мест древнего текста. Таким образом, перевод «Слова...» важен и интересен не только как поэтический опыт, но и как научный, филологический.

Видный специалист по древнерусской литературе академик Д. С. Лихачёв дал высокую оценку переводу И. Шкляревского. В предисловии к переводу он, в частности, писал: «Каждый добросовестный перевод учитывает протекающие в современности изменения значений старых слов, изменения их в „ассоциативной ауре“, изменения в эстетической восприимчивости эпохи, отражающиеся в восприятии гениального произведения. Перевод же Игоря Шкляревского не только „добросовестный“, то есть проникнутый знанием современного состояния изучения „Слова...“, но и высоко талантливый».

Публикация Шкляревским нового перевода «Слова о полку Игореве», произведения, стоящего у истоков древнерусской литературы и русской литературы вообще, явилась событием во многом неожиданным. Что побудило современного поэта, снискавшего у читателей известность эмоциональной лирикой, обратиться к древнему эпосу? Ответы на эти вопросы читатель найдёт в публикуемой ниже беседе, которая была записана во время встречи поэта с представителями Института русского языка имени А. С. Пушкина.

— Игорь Иванович, история литературы уже знает прекрасные переводы «Слова о полку Игореве» В. Жуковского, А. Майкова, К. Балмонта, Н. Заболоцкого, Н. Рылленкова. Что побудило Вас взяться за новый перевод?

— Любовь к «Слову о полку Игореве» и другим историческим памятникам передавалась мне от отца, преподавателя истории. Но дело не только в отце. Детство моё прошло в Белоруссии, учился я в Белорусском университете. Белорусский язык до сих пор сохранил многие слова в том виде, в каком мы встречаем их в тексте «Слова...».

В сёлах на Днепре и сейчас говорят: «кажет путь» (указывает путь), «древо с тугой преклонилось» (дерево с печалью наклонилось), «хоробрый» (храбрый), «ратнага» (ратный, военный)... Но дело опять-таки не только в этом.

С чего началось моё «Слово...»? Был отец. Он рассказывал сказки и былины. Помню сырой запах книг со стёртой позолотой, а в окне — Днепр. Перед грозой на обрыве веяло грустным запахом воды, тревожно и резко пахло полынью¹. Была пыльная дорога из пионерского лагеря возле деревни Фащёвка. Там на холме стоял деревянный идол, насквозь проточенный червями и ветрами... Сучки выпали, из трещин сыпалась труха; ночью он светился и гудел под ветром, а мы, дети, приходили слушать, как он плачет, стонет, мычит... А дома, забравшись в укромный уголок и закрыв глаза, я становился князем, выезжал во двор на белом коне — воображал себя то Игорем, то дружинником².

А потом были стихи...

Я «Слово о полку...» прочёл,
И окна приднепровских сёл
Пылают красными щитами³.

И только позже я понял, что собственные стихи могут помочь прочесть «Слово...», указать дорогу к нему.

В небе стаи скрипят, как возы...

Лет двадцать назад родилась эта строка. Тогда я думал, что этот образ придуман впервые мною. Потом понял, что это — отголосок «Слова...». Вспомнилось стихотворение «Школа», написанное мною лет десять назад:

Он учился в той школе, где кафель
старинный,
Где в открытые окна входила
большая река,
Где об Игоре «Слово...» и сырость,
и воздух былинный⁴
Пробирали насквозь
На последних рядах дурака...

И через пять лет, как эхо, родились стихи:

Пахнут пылью былины,
Ржавчиной вытек из глины
Князя Владимира меч⁵.
Плавает солнце в тумане.
Вечность сховала в кургане⁶
Головы, сбитые с плеч.
В воздухе что-то осталось.
Чибиеса тихая жалость⁷.
Взглядов молитвенных синь⁸.
Листья в днепровские плёсы⁹
Сыплют с кургана берёзы.
Ветер колышет полынь.

Осенью на обрывах Днепра дул полынный ветер и щемило грудь¹⁰.

Смерть отца многое обострила, в меня как бы переселилась его душа — учителя, историка, хранителя старины...

— Переводя «Слово...», Вы, конечно, задумывались над вопросом, который вот уже более 150 лет является предметом спора учёных: является ли это произведение подлинником, созданным в XII веке?

— В науке несколько раз затевали спор о «подлинности» этого великого памятника. Мне думается, что прежде всего неправильно употреблять здесь слово «подлинность». Ведь речь идёт в основном о времени написания памятника, а не о подлинности. Подлинность — это качество. Золото — всегда золото, в любом веке, и его характеризует не возраст, а проба.

— А что Вы скажете о времени создания «Слова...»?

— Некоторые исследователи считают, что «Слово...» было создано не в XII веке, а гораздо позже, например, в последней четверти XVIII века. И кому только не приписывают авторство! Архимандриту И. Быковскому, Мусину-Пушкину... Историк А. Зимин утверждал,¹ что в «Слове...» есть понятия, которые могли возникнуть в нашем языке только позже XII века, есть у него и другие доводы. Все эти малодоказуемые частности опровергает

академик Ф. Я. Прийма, но суть не в частности, а в том, что гениальное не может быть подделкой. Гениальность же «Слова о полку Игореве» не опровергает никто.

Если бы Мусин-Пушкин написал «Слово...», его гениальность как-то проявилась бы и в других произведениях. Ведь тут масштабы поэта не меньше, чем Данте, Гёте, Толстой. Это не вызывает сомнений ни у французского исследователя «Слова...» А. Мезона, ни у русского А. Зимины. А если бы автором «Слова...» был Быковский, то о нём XVIII век сохранил бы какие-то сведения как о писателе... Чтобы написать одну страницу «Слова...», надо годами листать словари, изучать летописи. Чем больше читаешь «Слово...», тем яснее становится, что невозможно было его создать ни в XVI, ни в XVIII веке даже поэтом пушкинского масштаба. Психологию, ритм, речь воссоздать невозможно.

— Учёные из Института мировой литературы считают, что Вы сделали в своём переводе «Слова...» несколько открытий. Расскажите о них.

— Я не знаю, сделал ли я открытия, но несколько мест поэмы вызывавшие споры, я перевёл по-своему. Одно из таких мест я назвал «Тайна поющей лебеди».

В тексте «Слова...» есть такие строчки: «Тогда выпускали десять соколов на стаю лебедей, и какую настигал сокол, та и песнь запеваля, старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу¹¹...». Почему же лебедь, которую настигает и бьёт сокол, запекает песню? Конечно, в поэзии всё возможно, но в «Слове о полку Игореве» самые невероятные образы вырастают из реальной почвы. Кроме этой поющей лебеди. Лебедь вообще не поёт. А здесь, в «Слове...», не просто поёт, а ещё обращаясь к Ярославу и Мстиславу.

Эта лебедь, поющая в благодарность за своё... избивание, не давала мне покоя при переводе. Я смутно чувствовал, что здесь скрыта лексическая тайна.

Я представил себе их на холме — князей, которые выпускали своих соколов, хвастались ими. Не зря же перед этим сказано, что Боян¹² вспоминал и первые княжеские междоусобицы, раздоры.

Вылетали соколы на лебедей, уток, журавлей. Лебедь, подумал я, вероятно, в данном случае — собирательное слово (в отличие от других фрагментов, где лебедь символизирует половцев). Вылетали соколы, а князья пировали на холме, и чей сокол достигал птицу, тому гусяры и пели славу¹³ — старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу... Гусяры! Не лебедь, которую достигал сокол, пела, а чей сокол достигал птицу, тому и славу пели:

Вспомнил он и первые были
раздора¹⁴.
Тогда десять соколов на лебедей
выпускали,
и которую лебедь они достигали,
так скоро
пелась песня делам Ярослава,
пелась храбрость Мстислава...

И всё-таки не давала мне покоя лексическая тайна поющей лебеди.

Осенью я уехал на север. Однажды проснулся на берегу реки Мезени от крика гусей. Небо плакало, окликало, скрипело, — как телеги половецкие. Это кричали гуси, улетающая на юг. За ними потянулись и лебеди. И вдруг я ясно представил себе такую картину: один из слуг воскликнул, когда княжеский сокол достиг и ударил птицу: «Твой, твой, княже! Слышишь, и лебедка тебе славу кричит». Не «поёт», а «кричит славу». Сокол бил птицу, она кричала, но автор «Слова о полку Игореве», следуя поэтическому закону, употребил постоянный эпитет. Так для меня проясни-

лась картина княжьей охоты и жестоких радостей того времени:

Вспомнил он и княжьих усобиц
начало.
Десять соколов на лебедей
выпускали,
и которую лебедь они достигали,
та и славу кричала —
старому ли Ярославу,
храброму ли Мстиславу,
что зарезал Редюю
пред полками касожскими в поле¹⁵...

— **Какие ещё неясные места в поэме Вы перевели по-своему?**

— Очень много я думал над строчкой: «Лучше потягу быти, нежели полонёну быти...». Так Игорь сказал дружине. То есть лучше быть убитым, порубленным в сече, чем попасть в плен. Так я и перевёл, а потом прочитал одну статью о «Слове...» и чуть было не впал в искушение переделать «полонёну» на «полошёну» («испугаться»). Автор статьи ярко высвечивал тьму веков и высказывал догадку, что переписчики вместо «полошёну» написали «полонёну». Лучше погибнуть, чем испугаться. Вот как! Ошибка монаха-переписчика! И действительно, ведь Игорь не знал, что попадёт в плен. Бесстрашие Игоря известно из Ипатьевской летописи. Русские князья доверяли ему свои войска, руководство походами. Даже солнечное затмение не остановило Игоря. Значит, он мог так сказать.

Догадка яркая, но всё-таки автор статьи ошибается. Всё-таки в повести было написано «полонёну». Ведь автор «Слова о полку Игореве» знал, что Игорь оказался в плену. «Слово...» писалось, естественно, не перед походом и не во время похода, а после. Автор уже знал всю историю похода и мысль о плене опередила сюжет.

— **В какой мере ваш перевод можно считать «свободным»? Изменяли ли Вы что-либо в тексте поэмы?**

— Я стремился к абсолютно точному переводу, без дополнений и вставок. Однако расскажу об одном таком месте.

Есть в поэме загадочная строчка о князе Всеславе: «На седьмом веке памяти русской бросил жребий Всеслав о любимой девице». Женится. С помощью интриг захватил престол в Киеве... Дальше о жене его ни слова нет в поэме. Почему же вдруг единственный факт женитьбы появился в «Слове...»? Автор не пишет о женитьбе Игоря, Святослава, Осмомысла Галицкого — а ведь это главные князья. Кто же такой Всеслав в поэме? Оборотень, злыдень, вещун¹⁶. На облаке летал, утром в Киеве слышал, как в родном городе Полоцке колокола звонят.

Всеслав особенно меня волновал. Он весь — загадка. Колдун, и в то же время — «немало бед терпел». А ко всему — он ещё мой земляк. Ну если бы хоть на ведьме женился, а то на любимой девице. Упомянуто это как бы вскользь, без объяснения. Чудеса да и только...

Хотелось, чтобы читатель не пробежал эту строчку глазами, зацепился за неё, как за сучок. Помог комментарий Д. С. Лихачёва: «Всеслав — основоположник полоцких князей». Значит, с женитьбой Всеслава возникла новая ветвь на родословном древе¹⁷ князей. Не потому ли факт женитьбы князя появился в «Слове...»? И я написал:

На седьмом веке памяти русской
бросил жребий Всеслав о любой
девице¹⁸:
посадил своё родословное деревце.

Имел ли я право дописать о родословном деревце? Думаю, что да. Время дописывает.

— **Ваш перевод «Слова о полку Игореве» имеет своеобразный ритмический строй и особую рифмовку. Скажите, почему Вы предпочли именно**

такой ритм в переводе «Слова...»?

— Ритм поэмы разнообразен. Он то как бы вытягивается, извивается, словно пыль за всадником или длинные речные водоросли. То вдруг резко ломается, бьёт молнией, рокочет как зверь. То парит, то словно падает камнем с высоты. В «Слове...» нет единого размера, хотя часто слышится нечто похожее на анапест.

В переводе В. А. Жуковского явственно слышен ритм оригинала, но из него как бы выпала «пружина» — сжимающая и бьющая сила: у Жуковского нет внутренней рифмы, о которой недавно весьма убедительно сказал молодой поэт и исследователь А. Чернов.

Майков, Бальмонт и Заболоцкий в своих ярких переложениях совершили, на мой взгляд, одну ошибку: они переводили «Слово...» единым классическим размером (хорем), а в оригинале ритмы разные. Битва написана жёстким, сбивчивым ритмом, плач Ярославны — совсем иным. К тому же в перечисленных переводах — обычная рифмовка, а в «Слове...» рифма скользкая, иногда её и совсем нет.

Перевод Заболоцкого, как бы закованный в классические рифмы, стал походять на сагу о походе Игоря, перевод Бальмонта — стилизация под былинку. Исследователь Югов вообще расположил строки лесенкой, только слова оригинала, малопонятные современному читателю, заменил другими древнерусскими словами. Всё это я уже потом увидел, а переводить начал по интуиции, не сверяясь с книгами. Я и не заметил, как стали возникать у меня собственные образы из образов поэмы. Потом я это вычеркнул, сближая текст перевода с оригиналом. Жалко было, как по живому резал.

«Древнерусская литература аскетична». Это слова Д. С. Лихачёва. Он прочёл мой первый вариант перевода, одобрил, но поставил перед выбором: «по мотивам произведения» или «сближение с оригиналом»? И я мучительно обрезал все лишние «ветки», все «кудрявые отростки», стараясь как можно точнее передать текст подлинника.

— Трудно ли было перевести поэму?

— Я уже говорил, что многие слова поэмы мне были понятны без перевода. Но надо было сделать их понятными для русского читателя. Переводить с родственного языка, мне кажется, очень трудно.

Что значит перевести? Слова поэмы — как жёлуди. Поднимешь жёлудь,мотришь на свет и... увидишь в нём могучее зеленое дерево, крутой обрыв, а внизу — синий Днепр.

Поражает масштаб поэмы. А всего-то в ней десять печатных страниц. Только десять. «Не может быть. Это же большая книга!», — часто слышу я. Да, большая, — с предисловием, с древнерусским текстом и переводами — и прозаическими, и поэтическими, с комментариями, иллюстрациями. А всего-то десять страниц, написанных огнём по небу.

КОММЕНТАРИИ

1
полюнь — трава с сильным запахом, горькая на вкус

2
дружинник — в Древней Руси приближённый князя или солдат княжеского войска (дружины)

3
бкна приднепровских сёл пылают красными щитами — у русских воинов времён князя Игоря были красные щиты; автор уподобляет отсвет красного заката в окнах красным щитам

4
воздух былинный — зд.: атмосфера истории, старины; былина — жанр устного народного творчества, сказание о былом, т. е. о том, что было

5
пылью пахнут былины — былины несут на себе печать времени, прошедших веков. Ржавчиной вытек из глины князя Владимира меч — метафорическое сравнение, в основе которого лежит сравнение прожилков в глине с покрытым ржавчиной мечом

6
сховати (устар.) — спрятать; курган — холм, в древности над могилами погибших героев-воинов насыпали курганы

7
чибиса тихая жалость — жалобный крик чибиса, болотной птицы из семейства куликовых

8
взглядов молитвенных синь — на русских иконах святые изображались с глазами синего цвета

9
плёс — широкое водное пространство между островами

10
полюнный ветер — ветер с запахом полыни; щемило грудь — было тоскливо

11
Ярослав и Мстислав — русские князья

12
Боян — певец и сказитель, возможно, был певцом при дворе князя Святослава Ярославича

13
гуслары пели славу — гуслары — музыканты, играющие на гусях, струнном музыкальном инструменте, пели хвалебную песнь в честь князей, прославляли их

14
первые были раздора — первые факты, случаи ссоры, вражды

15
зарезал Редедю пред полками касожскими в поле — зд.: автор «Слова...» вспоминает поединок русского князя Мстислава с касожским князем Редедёй, в результате которого победил Мстислав; касож — племена, жившие на Северном Кавказе, предки нынешних черкесов

16
оборотень — в сказках: человек, способный с помощью волшебства изменять свой внешний вид, превращаться в зверя или птицу; злыдень — злой человек; вещун (устар.) — человек, умеющий предсказывать будущее

17
родословное древо (дерево) — в старину история рода изображалась в форме рисунка, напоминающего дерево

18
бробил жребий Всеслав о любой девице — князь Всеслав выбрал свою судьбу — взял в жёны любимую девицу

19
Ярославна — жена князя Игоря

И. Шкляревский

СЛОВО
О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ

(отрывок)

Сон Святослава

А Святослав¹ мутный² видел сон

в Киеве на горах.

Сыновья покрывалом чёрным
на сосновой кровати его
накрывали.

Синим вином поили, —
горчило вино польною.

Из пустых половецких
колчанов³
сыпали жемчуг ему на грудь.

Величали.
И кровля⁴ была без князька⁵
в его златоверхом тереме⁶.

И вороны всю ночь с лужка
возле Плеснека⁷ граяли⁸.

И ответили князю бояре⁹:
«Полонила твой ум кручина¹⁰.
Два сокола¹¹ далеко улетели.
Добыть хотели

Тьмутаракани¹²,
да быстро ослабли.

Подсекли им крылья кривые
сабли¹³.

Темно было в третий день.
Два солнца затмила тень.
Два красных столба пропали.
Два месяца — Святослав и

Олег —
утонули в реке Каяле¹⁴.

Смерть их дерзость поганым¹⁵
вернула.

Свет тьма покрыла.
Стали половцы рыскать
по нашей земле, как гепарды.
И насела хула на хвалу.

Погоняет неволя волку¹⁶.
Вран¹⁷ метнулся в нашем
полю.

А готские девки поют у синего
моря¹⁸.

Звенят русским золотом.
Поют они время Бусово¹⁹.

Утешают тень Шарукана²⁰.
А мы с той поры доселя
живём, считай²¹, без веселья».

КОММЕНТАРИИ

1
Святослав — киевский князь (ум.
в 1194 г.)

2
мутный — зд.: тревожный

3
колчан — чехол для стрел

4
кровля — крыша

5
князьк — украшение верхней части
крыши

6
златоверхий — с позолоченным вер-
хом; терем — в древней Руси: жи-
лое помещение в верхней части дома
или дом в виде башни

7
Плеснек — село около Киева

8
граять (др.-рус.) — кричать

9
боярин — в древней и средневеко-
вой Руси: крупный землевладелец,
принадлежавший к господствующе-
му классу аристократ

10
полонила твой ум кручина — одоле-
ла твой ум печаль, тоска

11
два сокола — зд.: два князя. В дре-
внерусской поэзии и в устном народ-
ном творчестве герой часто уподо-
бляется соколу

12
добыть ... Тьмутаракань — завое-
вать Тьмутаракань, город на Та-
манском полуострове в Крыму

13
подсекли им крылья кривые саб-
ли — метафорическое выражение,
смысл которого в следующем: два
князя погибли от рук половецв;
кривые сабли были у половецв, в то
время как русские воины были во-
оружены прямыми мечами

14
Два солнца затмила тень. Два крас-
ных столба пропали. Два месяца —
Святослав и Олег — утонули в ре-
ке Каяле — эта символическая кар-
тина рисует поражение князя Игоря
и Всеволода («два солнца») и двух
княжичей («два месяца»). Здесь мы
имеем дело с одним из «тёмных
мест» поэмы. Учёные предполага-
ют, что в первоначальном тексте
«Слова...» имена Святослава и Оле-
га не упоминались. Об участии Оле-
га в походе Игоря можно только
предполагать

15
поганые — зд.: иноверцы, половцы

16
И насела хула на хвалу. Погоняет
неволя волку — зд.: после завоева-
ния русских земель половецями
жизнь резко изменилась к худшему:
поругание (хула) стало частым яв-
лением

17
вран (др.-русс.) — ворон

18

А готские девки поют у синего мо-
ря — существует мнение, что здесь
имеются в виду готские племена,
жившие в Крыму

19
Поют они время Бусово — соглас-
но общепринятой точке зрения,
здесь говорится о том, что готские
девушки воспевают времена антско-
го короля Боза (IV в.), казнённого
готским королём Винитаром. Но
это представляется спорным. Более
допустимо, что имеется в виду ка-
кой-то половецкий хан

20
Шарукан — половецкий князь.
В 1107 г. объединённые силы рус-
ских князей разгромили войско по-
ловецких ханов Боняки и Шарука-
на (деда хана Кончака, который
взял в плен князя Игоря). Автор
«Слова...» хочет сказать здесь, что
готские девушки, надевая украше-
ния из русского золота, «радуется
тень», память Шарукана тем, что
половцы отомстили русским за по-
ражение

21
считай — зд.: прими во внимание,
заметь

Игорь Иванович Шкляревский
родился в 1938 году в Белоруссии.
Работал литейщиком, матросом тор-
гового флота. Закончил Белорус-
ский государственный университет
им. В. И. Ленина, затем Литератур-
ный институт им. М. Горького. Пе-
чатается с 1956 года. И. Шклярев-
ский — автор многочисленных сти-
хотворных сборников, в том числе
«Я иду!», «Лодка», «Фортуна»,
«Воля», «Ревность», «Походола-
ние», «Гость» и др. Им написана
также повесть «Тень птицы», что
говорит о тяготении поэта к прозе.

Материалы подготовили
А. Панков, Н. Рубцов